

- Доступ к информации: обеспечение доступа к информации о правах и юридических процессах для представителей расовых меньшинств.

- Мониторинг и оценка: необходимо осуществлять регулярный мониторинг и оценку работы юридических учреждений на предмет наличия расовой дискриминации.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в Республике Беларусь отсутствует проблема расовой дискриминации в сфере оказания юридической помощи. Этот результат достигнут благодаря многолетней работе нашего государства, направленной на ликвидацию расовой дискриминации. Однако, по нашему мнению, в современных условиях нестабильности внешнего мира, превентивные меры необходимы для поддержания уже достигнутого уровня оказания юридической помощи всем нуждающимся.

Список использованных источников:

1. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 13.04.2026).

2. Сальников, Е.В. Раса как юридический феномен. / Е.В. Сальников // Философия права. – 2021. – № 2. – С. 14-21.

3. Декларация Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 1904 (XVIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1963 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/r18_1904.shtml (дата обращения: 13.04.2026).

4. Официальный сайт Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/f1e425642fa27f3b.html (дата обращения: 13.04.2026).

ВИРТУАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Морозов А.В.,

*начальник отдела цифрового развития предварительного следствия
управления Следственного комитета Республики Беларусь
по Могилевской области*

Стремительное развитие технологий и внедрение цифровой экономики в жизнь граждан Республики Беларусь создали разрыв между реальными отношениями и их регулированием. Пользователи покупают за фиатные деньги игровые предметы и валюту, обладающие признаками товара, но законодательство оперирует категориями эпохи материального производства. В связи с этим возникает необходимость осмысления природы цифровых активов в контексте преступлений против собственности.

Анализ гражданского законодательства показывает его важную роль для уголовной охраны. Глава 6 Гражданского кодекса Республики Беларусь определяет собственность через категорию «вещь» [1], подразумевающую физические характеристики. Материалистическая парадигма устарела и не отвечает вызовам современности, где ценность определяется информационной природой и спросом.

В доктрине уголовного права традиционно выделяются три обязательных признака имущества как предмета преступления: физический признак, предполагающий материальность предмета; экономический признак, выражающий наличие стоимости; юридический признак, означающий нахождение в собственности другого лица [2].

Виртуальные объекты, такие как игровые танки, формально выпадают из категории «имущество», будучи лишенными вещной субстанции. Однако практика сталкивается с заявлениями о хищении таких активов. Игнорирование экономической ценности цифровых объектов из-за отсутствия формы является формализмом, оставляющим экономические отношения без защиты.

Правоохранители вынуждены искать способы квалификации в действующем поле. В стране сложилась практика применения статьи 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь за хищение путем модификации информации. Такая квалификация является вынужденной мерой, позволяющей защитить потерпевших в условиях законодательного вакуума [3].

А.В. Ходасевич справедливо отмечает: «универсальное определение понятия «имущество» в белорусском законодательстве отсутствует: его содержание и объем отличаются в зависимости от конкретной отрасли права» [4]. Это отражает корень проблемы в межотраслевой несогласованности.

Законодатель, закрепляя в примечании к главе 24 УК понятие хищения, не раскрывает предмет применительно к нематериальным благам. В этом видится риск нарушения законности, так как расширительное толкование по аналогии недопустимо.

Интересен опыт России, где суды признали цифровые активы имуществом до принятия законов. Арбитражные суды стали включать криптовалюту в конкурсную массу, применяя критерии экономической ценности. Этот опыт демонстрирует возможность гибкого толкования гражданского законодательства судами.

Согласно исследованию В.Г. Пономарева среди «93 экспертов, 80 % респондентов поддерживают отказ от физического признака как обязательного для предмета хищения» [5]. Высокий процент поддержки среди практиков свидетельствует о необходимости легализации цифрового имущества в уголовном праве.

Ученые предлагают рассматривать цифровые активы как приобретение права на имущество. Тот же опрос показал: «52 % экспертов считают термин «приобретение права» адекватным для цифровых активов, а 56 % - термин «обращение» применимым к цифровой валюте» [6, с. 69].

А.В. Шеслер формулирует жесткую позицию: «составы хищений ограничить противоправным завладением чужим имуществом в виде вещи и ввести в действующий УК РФ в главу 21 составы «цифровых» имущественных преступлений» [7, с. 188]. Введение отдельных составов потребует кардинальной перестройки системы.

Стоит учесть опыт Казахстана, где «статья 188-1 УК РК прямо предусматривает ответственность за хищение виртуального имущества» [8]. Конкретизация в законе снимает вопросы квалификации и исключает рискованные аналогии.

В Беларуси также назрела необходимость изменений. Отсутствие определения цифровых активов в ГК создает неопределенность. Без корректировки гражданского законодательства изменения в УК будут косметическими.

В.В. Хилота подчеркивает: «виртуальное игровое имущество не может рассматриваться исключительно как средство развлечения, если приобретается усилиями пользователя и имеет реальный денежный эквивалент» [9, с. 113].

Проблема носит комплексный характер. Решение должно быть системным. Для устранения пробелов необходимо: – внести изменения в гражданское законодательство, закрепив статус активов; – скорректировать уголовное законодательство в части предмета хищения.

Отсутствие регулирования влечет невозможность легального оборота активов и препятствует их изъятию в рамках процесса. Сохранение ситуации способствует росту теневой экономики и увеличению латентной киберпреступности.

Способом устранения пробела является новая норма. Предлагается дополнить ГК статьей: «Статья 128-1. Цифровые права. Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам».

Введение понятия цифровых прав позволит разграничить их с вещами и безналичными деньгами, что критически важно для правоприменения. Такая градация необходима для квалификации, так как механизм посягательства на цифровые права отличается от кражи материальных предметов.

Я.О. Кучина верно подмечает: «понятие имущества как предмета хищения не может быть идентично понятию имущества, которое

дано в ст. 128 ГК РФ» [10, с. 118]. Уголовный закон имеет специфические задачи.

Необходимо преодолеть инерцию мышления, связывающую имущество с материей. Экономическая ценность и возможность распоряжения являются достаточными основаниями для охраны.

Таким образом, квалификация хищений виртуальных активов по статье 212 УК базируется на аналогии, что противоречит принципам определенности, но остается единственным механизмом защиты. Для эффективного противодействия киберпреступности требуется комплексная реформа, включающая введение в Гражданский кодекс категории «цифровые права» и уточнение признаков предмета хищения.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь, 7 декабря 1998 года № 218-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 21.02.2026).
2. Долгиева, М. М. Цифровой объект преступления / М.М. Долгиева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-obekt-prestupleniya> (дата обращения: 21.02.2026).
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 года № 275-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 октября 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 21.02.2026).
4. Ходасевич, А. В. Электронные деньги как предмет преступного посягательства по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации / А.В. Ходасевич. – URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/7210/1/hodasevich.pdf (дата обращения: 21.02.2026).
5. Пономарев, В.Г. «Цифровое имущество» в контексте преступлений против собственности: проблемы и перспективы / В.Г. Пономарев. – URL: <http://publishingvak.ru/file/archive-law-2020-11/25-ponomarev.pdf>. (дата обращения: 21.02.2026).
6. Карабанова, Е. Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве / Е. Н. Карабанова // Журнал российского права. – 2018. – № 6. – С. 69-77.
7. Шеслер, А.В. Виртуальные объекты как предмет противоправного корыстного завладения / А.В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 491. – С. 188–196.
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 9 июля 1999 г. № 275-З. – URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/history/K1400000226/31.08.2025> (дата обращения: 21.02.2026).
9. Хилюта, В. В. Преступления против оборота объектов гражданских прав: концептуально-теоретические основы моделирования: дис. ... д-ра юрид. наук / В.В.Хилюта. - Минск, 2021. – 595 с.
10. Кучина, Я. О. Оборот криптовалюты как объект преступления и доктринальные ошибки его восприятия / Я. О. Кучина // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 4. – С. 118-127.